

ГЕББЕЛЬС И НАЦИСТСКАЯ КАМПАНИЯ ПО ДЕМОНИЗАЦИИ
СССР НА ЗАВЕРШАЮЩЕМ ЭТАПЕ ВОЙНЫ В СВЕТЕ СЕКРЕТНЫХ
МАТЕРИАЛОВ ИМПЕРСКОГО МИНИСТЕРСТВА ПРОПАГАНДЫ

С. Г. Алленов

*Военно-воздушная академия имени профессора
Н. Е. Жуковского и Ю. А. Гагарина*

Поступила в редакцию 25 сентября 2023 г.

Аннотация: на основе дневниковых записей Геббельса и ранее не публиковавшихся секретных документов его министерства автор рассматривает антисоветское направление нацистской пропаганды в 1944–1945 гг. как средство психологической мобилизации немцев для продолжения войны «до самого конца».

Ключевые слова: Вторая мировая война, нацистская пропаганда, Геббельс, демонизация СССР.

Abstract: based on Goebbels' diary entries and previously unpublished secret documents of his ministry, the author examines the anti-Soviet direction of Nazi propaganda in 1944–1945 as a means of psychological mobilization of the Germans to continue the war "until the very end".

Key words: the Second World War, nazi propaganda, Goebbels, demonization of the USSR.

Мы ни в коем случае не должны выступать
фанатиками правды и справедливости –
решающим является только эффект!
Й. Геббельс [1, л. 8]

В отечественной историографии истории Великой Отечественной войны принято отмечать огромную роль вражеской пропаганды в подготовке нападения Германии на СССР и превращении этой агрессии в самый кровопролитный военный конфликт в новейшей истории человечества. При этом абсолютное большинство исследований деятельности нацистского пропагандистского аппарата ограничивается рассмотрением его попыток воздействия на советские войска, пленных красноармейцев и жителей временно оккупированной территории СССР. Что касается немецкой пропаганды на собственное население, как и ее влияния на его морально-психологическое состояние, то изучение этих аспектов носило в нашей стране единичный характер [2, с. 294–297; 3; 4, с. 377–421; 5]. Интерес к данной теме стал расти в последние годы в связи с гипертрофированной подачей некоторыми западными авторами эксцессов, имевших место при освобождении Красной армией народов Центральной и Восточной Европы, и умалением тем самым ее вклада в спасение мира от фашизма [6–8]. Справедливо указывая на тенденциозность

подобных публикаций, российские историки подчеркивают их преемственность с аналогичными сообщениями нацистских средств массовой информации, составленными «по рецептам доктора Геббельса» и *a priori* не заслуживающими доверия [9, с. 112–114, 119; 10; 11, с. 67–68]. Однако сами эти «рецепты», а именно секретные указания имперского министра пропаганды по фабрикации материалов о массовых «советских злодеяниях» на заключительном этапе войны представлены в научном обороте крайне скупо. Собственно, и эта кампания в целом – прежде всего вопросы ее планирования и организации – до сих пор детально не изучалась ни в отечественной, ни в зарубежной историографии.

В данной статье предполагается восполнить указанный пробел и осветить один из самых острых эпизодов пропагандистской войны, развязанной Германией параллельно с боевыми действиями против СССР и во многом обеспечившей готовность немцев держаться «до самого конца», даже когда перспектива разгрома становилась все более очевидной, а продолжение сопротивления лишь умножало бессмысленные потери. Вместе с тем на основе малоизученных, а также ранее неизвестных немецких документов будет предпринята попытка заглянуть

внутри механизма нацистской пропаганды и рассмотреть действие его тайных пружин.

К числу таких новых и впервые используемых источников принадлежат протоколы так называемых министерских конференций – ежедневных секретных совещаний в Имперском министерстве народного просвещения и пропаганды. Именно на этих «конференциях», где присутствовали от 20 до 50 высокопоставленных министерских чиновников и представителей смежных учреждений, Й. Геббельс направлял и координировал пропагандистскую работу в Рейхе, отдавая свои самые циничные (в том числе и согласованные с «фюрером») указания в области информационной политики. Как правило, эти встречи сводились к монологам самого министра, который указывал, каким темам уделять первостепенное внимание, какие оставлять без комментариев, а какие не затрагивать вовсе. Определяя способы и тональность подачи новостей, он не только диктовал примерные формулировки, но и требовал от помощников держать в поле зрения всю панораму событий, просчитывать все последствия публикаций и учитывать сопутствующие моменты – от необходимости сохранять военную тайну до недопущения рискованных исторических параллелей и двусмысленных фраз. В отсутствие Геббельса эти заседания вели его ближайшие помощники – статс-секретари В. Науман и Л. Гуттерер, министерский директор Г. Фриче или министерский администратор Э. Фишер. В таких случаях они зачитывали заранее надиктованные шефом инструкции с примерными пояснениями к тем или иным новостям, каждый раз напоминая коллегам, что интерпретируют новостной материал «в соответствии с предписаниями г-на министра». Остальные участники заседаний могли выступать с разъяснениями проблем, входивших в их компетенцию, но со своей стороны воздерживались от каких-либо вопросов, встречных предложений и тем более дискуссий.

Ход министерских конференций фиксировался в протоколах, о существовании которых широкая публика узнала из показаний Фриче, данных им уже в качестве подсудимого на одном из заседаний Нюрнбергского трибунала [12, S. 261]. Естественно, эти материалы не могли не вызвать интерес у историков. После двадцатилетних поисков часть фотокопий протоколов, а также записей содержания конференций за октябрь 1939 – начало июня 1941 г. и за декабрь 1941 – март 1943 г. была обнаружена в западногерманских архивах, а затем издана в ФРГ в двух сборниках, включивших около 700 документов [13; 14]. С тех пор остальные протоколы за вторую половину 1941 г., а также за март 1943 – апрель 1945 г. считались на Западе утраченными.

На самом деле уцелевшие и вывезенные в Советский Союз после войны фотокопии всех протоко-

лов находились в то время вместе с другими трофейными документами на секретном хранении в Центральном государственном особом архиве СССР (ЦГОА). В 1992 г. они были рассекречены, а в 1999 г. поступили в Российский государственный военный архив (РГВА), где по сей день содержатся в составе фонда Имперского министерства народного просвещения и пропаганды Германии. Как минимум треть из них образует россыпь источников, которая почти полвека была недоступна для исследователей, а на протяжении последних тридцати лет, насколько можно судить по публикациям, только дважды попадала в поле зрения историков [15; 16].

Еще одним уникальным и по счастью уцелевшим источником, помогающим осветить закулисные нацистской пропаганды, является дневник Геббельса, в котором он среди прочего записывал свои соображения относительно текущих военных и политических событий, а также способов их публичной подачи. С конца 1940-х гг. фрагменты этого дневника издавались на Западе и в нашей стране по мере их находок в бункере Рейхсканцелярии и руинах Берлина, однако полностью он стал доступен историкам почти полвека спустя, когда все его копии и часть оригиналов были также обнаружены в Москве в фондах ЦГОА и переданы в РГВА. Этот источник, опубликованный в ФРГ в 1993–2008 гг. в 29 томах, содержит пласты ценной и уже в силу своего огромного объема пока лишь отчасти изученной информации [17]. Впрочем, в дальнейшем анализе нуждаются и массовые публичные материалы прессы, радио и кино, служившие средствами нацистской пропаганды, а также документы, отражающие производимый ею эффект – в частности, секретные донесения службы безопасности СС (СД) о морально-психологическом состоянии гражданского населения Рейха [18]. Думается, комплексное рассмотрение перечисленных источников позволит проследить всю «технологическую цепочку» процесса обработки немецкого массового сознания на завершающем этапе войны.

События на пропагандистском фронте, о которых пойдет речь, развернулись весной 1944 г., когда Красная армия местами вошла в приграничные области СССР и страны-агрессоры оказались перед перспективой перенесения военных действий на их собственные земли. И если прежде вопрос о последствиях поражения Германии имел для ее властей преимущественно гипотетический характер ввиду пропагандистских издержек от допущения такой возможности, то теперь он стал перемещаться в практическую плоскость. В ответ на изменение военно-политической обстановки нацистская пропаганда развернула две взаимосвязанные информационные кампании. Первая, направленная преимущественно на страны Европы, заключалась в разжигании страха перед

якобы неизбежной «большевизацией» континента в случае победы СССР. Вторая была посвящена муссированию известий о мнимых массовых «злодеяниях большевиков» в уже занятых Красной армией областях к западу от старой (до 1939 г.) советской границы.

Как легко заметить, обе параллельно запущенные кампании продолжали давнюю пропагандистскую традицию. Обвинения нацистами Советского Союза в попрании норм человечности и права, которые они сами открыто презирали, уже в предвоенные годы использовались ими для легитимации установленного в Германии внутривластного террора. В момент нападения на СССР этот мотив был заново озвучен А. Гитлером и Й. Риббентропом в качестве оправдания начатой агрессии [19, с. 11, 30]. В период коренного перелома в войне он усиливался по мере нарастания успехов советских войск, даже несмотря на то, что сама «старая Европа», как сокрушенно признавал Геббельс, «не спешила благодарить Рейх за его самоотверженную борьбу с большевистскими ордами» [20; 21, S. 141–143, 156–166, 276]. На заключительном этапе военных действий, когда моральный дух в стане агрессоров зависел уже не столько от успехов вермахта, сколько от демагогических ухищрений Геббельса и его подручных, демонизация Советского Союза была направлена на завоевание морального сочувствия нейтральных государств, деморализацию западных противников и внесение раскола в ряды антигитлеровской коалиции. Но главное – она служила средством укрепления воли немцев и их сателлитов к продолжению безнадежного сопротивления для максимального затягивания войны и отсрочки неизбежной расплаты.

Согласно дневниковым записям Геббельса, его ответом на «территориальные успехи Советов» стало отданное им 26 апреля 1944 г. распоряжение об организации «широкой антисоветской пропаганды» вокруг «ужасов еврейско-большевистского господства в занятых Советами несоветских областях». «Пищей» и «питательной почвой» для кампании должны были стать сообщения румынских газет о «режиме утрашения», якобы установленном Советским Союзом на только что отвоеванной им территории Северной Буковины [22, S. 187]. На следующий день министр заручился поддержкой Гитлера и отметил в своем дневнике, что задуманная им операция также по мнению «фюрера» должна проводиться систематически «в течение многих недель» и «производить глубокое впечатление не только на немецкое население, но и на всю мировую общественность» [Ibid., S. 198]. К тому же, поскольку понятия «большевик» и «еврей» в представлении нацистов были неотделимы, Геббельс счел эту операцию удобным пропагандистским обоснованием готовившейся «депортации»

(на самом деле тайной ликвидации) более полумиллиона венгерских евреев [Ibid., S. 210].

Детальный план нацистской кампании о «советских методах злодеяний и террора» был изложен в срочном письме, отправленном тотчас после распоряжения Геббельса одним из статс-секретарей его министерства шефу Отдела военной пропаганды Верховного главнокомандования вермахта генерал-майору Х. фон Веделю. В преамбуле этого секретного документа подчеркивалась «исключительная политическая и пропагандистская важность» задуманной операции, призванной охватить все европейские страны, произвести «немедленный эффект» и создать «впечатляющую картину той страшной судьбы, которая ожидала бы Европу в случае ее наводнения большевистскими ордами». Здесь же содержалась просьба к армейским коллегам «самым срочным образом раздобыть весь сколько-нибудь пригодный для нее материал» в Галиции, Румынии и Эстонии [23, л. 49–52; 24].

Судя по тому, что копии данного письма были разосланы «для сведения и руководства к действиям» не только «смежникам» в вермахте, но и во все основные отделы министерства пропаганды [23, л. 49], к его реализации предполагалось подключить максимально широкий круг исполнителей. Организации их усилий должны были помочь рекомендованные тут же перечни всех возможных источников потребной информации, форм и способов ее подачи и, наконец, самих советских «методов злодеяний». Детализация этих методов содержала полтора десятка пунктов, казавшихся «наиболее подходящими» для достижения пропагандистского эффекта и включавших «истребление и терроризирование мирных жителей», «принудительный стгон населения для использования на фронте», «разрушение церквей и осквернение святынь», «конфискацию запасов продовольствия и организацию голода» и т. п. [там же, л. 49–52]. То, что территория, на которой якобы развернулись эти события, по сути, еще не была занята Красной армией, не помешало авторам инструкции описывать их так, как если бы они имели место в действительности. Данная установка дополнялась рекомендацией изыскивать «самые ценные» и «многообещающие» в пропагандистском плане свидетельства «большевистских зверств», но умалчивать о репрессиях в отношении помощников оккупантов, чтобы не отпугивать тех, кто продолжал сотрудничать с немцами по другую линию фронта [там же, л. 52]. Таким образом, смысл и формулировки министерского циркуляра недвусмысленно свидетельствуют о том, что кампания о «еврейско-большевистском терроре» уже на стадии замысла носила манипулятивный и провокационный характер.

Дав старт этой кампании, Геббельс в течение двух недель пристально следил за ее развитием и по ходу дела с удовлетворением отмечал, что она «набирает обороты в немецких средствах массовой информации и постепенно дает о себе знать в нейтральной прессе» [12, S. 225], «производит на немецкий народ очень глубокое впечатление» [Ibid., S. 243] и, наконец, «оказывает во всех странах Европы настолько сильное воздействие, какое только можно пожелать» [Ibid., S. 247]. Эти записи венчались пассажем, который звучал как признание в обдуманном и успешном подлоге: «кампании [...] придано абсолютное правдоподобие. Конечно, Советы пользуются столь малым кредитом доверия, что в мире поверят в любое их злодеяние» [Ibid.].

В свете откровений нацистского министра кажется удивительным, что вопрос об организации этой якобы уже полным ходом идущей кампании был впервые поставлен на министерской конференции лишь 9 мая 1944 г., где было озвучено его распоряжение «суммировать страшные события бушующих над восточной Румынией волн большевистского террора» [25, л. 2]. Здесь же было указано, что угроза «большевизации» Европы наряду с воздушными налетами англо-американцев и их предполагаемой высадкой на Атлантическом побережье отныне является одной из тем, которые «должны находиться на первом плане» обзоров текущих событий (фронтовые сводки по умолчанию пользовались приоритетом) [там же, л. 3].

Тот факт, что эта, безусловно, важная для Геббельса тема в предшествующие дни не затрагивалась на совещаниях, обычно предварявших подобные мероприятия и уделявших внимание куда менее значимым проблемам, нуждается в объяснении. Возможно, одной из причин этого парадоксального обстоятельства было то, что сведения о «страшных событиях», которые предстояло «суммировать» работникам министерства, «добывались» в еще более конфиденциальной обстановке, чем та, в которой проходили их регулярные и довольно многолюдные встречи. В пользу данного предположения говорит и то, что в течение следующих двух месяцев вопросы освещения «большевистского террора» в Восточной Европе, как и его конкретные проявления, на этих конференциях по-прежнему практически не упоминались.

Впрочем, сомнительной представляется не только содержательная начинка начатой Геббельсом операции, но и данная им оценка ее эффективности. Во всяком случае, private записи министра о произведенном ею «глубоком впечатлении» не находят подтверждений в других источниках. Так, поступавшие в те дни со всей Германии в Берлин (в том числе и лично на стол Геббельсу) донесения СД, в которых фиксировались разговоры и настроения немецкого населения, не содержат свидетельств какой-либо обе-

спокойности надвигающимся «большевистским террором». Более того, в сводках секретной службы, обычно отмечавшей резонансные пропагандистские материалы, на этот раз отсутствовали и упоминания о соответствующей информационной кампании. Согласно этим сводкам, в конце апреля – начале мая основное внимание немцев было приковано к разрушительным налетам англо-американской авиации, а также трудностям с продовольствием. Что касается событий на Восточном фронте, то самым заметным проявлением связанных с ними тревог стала новая волна слухов о расстрелах Красной армией военнопленных (прежде всего эсэсовцев), вызванная предчувствием скорой и неизбежной сдачи Крыма. Но и при этом находились немцы, которые осмеливались полагать, что в русском плену «вовсе не так уж и плохо», а власти просто скрывают истинное положение дел [26, S. 6509–6511].

Так или иначе, тщательно продуманная Геббельсом пропагандистская кампания по поводу «советских методов злодеяний и террора», о необходимости скорейшего начала которой он неоднократно напоминал и на форсировании которой настаивал, на самом деле обернулась фальстартом. Не найдя отклика в широких массах, эта тема уже к концу мая иссякла не только в протоколах министерских конференций, но и в дневнике самого министра, а еще через месяц он заявил о целесообразности «приглушить сообщения о советских злодеяниях в оккупированной Румынии для того, чтобы избежать ненужных беспокойств среди населения» [27, л. 20]. Но поскольку в private записях самого Геббельса за июнь–июль нет ни слова о признаках вызванных подобными сообщениями «беспокойств», названная им причина представляется надуманной. К тому же о таких настроениях по-прежнему не сообщалось и в донесениях Службы безопасности. Зато в одном из ее отчетов отмечалось, что «полемические изображения в прессе большевистских злодеяний, как и публикации о вражеских замыслах относительно Рейха, вызывают у населения значительно меньший интерес, чем сообщения о приближающемся (англо-американском. – С. А.) вторжении» [26, S. 6557–6558].

Действительно, в конце весны и в начале лета 1944 г. основные ожидания большинства немцев были связаны не с нашествием «большевистских орд» с Востока, а с предстоящими событиями на Западе, которые, как они верили, развернутся вслед за высадкой неприятельских войск в Европе, переломят ход войны и приведут к ее успешному завершению. Эти надежды были во многом связаны с обещанным применением против Англии некоего смертоносного оружия в качестве возмездия за объявленную ею войну, «террористические» воздушные налеты и в конце концов – за открытие нового фронта [Ibid.,

S. 6551–6554; 6563, 6565; 28, S. 6413–6415]. Внушенная немцам не без личных стараний Геббельса вера в сокрушительный ответный удар была столь велика, что многие из них не только не боялись высадки неприятеля, но, наоборот, желали ее и опасались, что она будет отложена или вообще отменена [28, S. 6432, 6455–6456]. Поэтому начавшееся, наконец, 6 июня вторжение вызвало в стране приступ оптимизма [26, S. 6571–6574; 6576–6582, 6589], а состоявшееся через неделю первое боевое применение «Фау-1» (от нем. «Vergeltungswaffe» – «оружие возмездия») некоторые восприняли как едва ли не самое светлое событие за все время войны. При этом впервые за три года Восточный фронт на некоторое время, по сути, выпал из поля зрения немецкого населения [Ibid., S. 6595–6599].

Однако вскоре успех высадки англичан и американцев в Нормандии, продолжение их воздушных налетов и крах надежд на «оружие возмездия» вызвали у немцев отрезвление, которое стало особенно горьким к концу июня после перехода советских войск в мощное наступление в Белоруссии [Ibid., S. 6595–6599, 6649–6651]. Прорыв Красной армией немецкой обороны и разгром группы армий «Центр» привел к тому, что к середине июля интерес населения Рейха к Восточному фронту вновь стал первостепенным [Ibid., S. 6636, 6642–6645]. Отслеживая изо дня в день спад настроений в стране, Служба безопасности сообщала в Берлин о повальном росте «разочарования» и «обеспокоенности», затем «подавленности» и «страха» и, наконец, «отчаяния» и «ощущения близкой катастрофы» [Ibid., S. 6613–6614, 6626–6635, 6638–6642, 6645–6646; 6697]. Эта массовая реакция на продвижение советских войск была связана с осознанием уже понесенных вермахтом и еще предстоящих гигантских потерь, а также неизбежной утраты Германией захваченных ею ресурсов Восточной Европы. Наиболее дальновидные немцы из числа гражданского населения поговаривали об общем ухудшении стратегического положения Германии и возможности нового прорыва Красной армии в Прибалтику и Восточную Пруссию [Ibid., S. 6617–6618, 6621, 6642].

Ввиду столь широкой палитры негативных эмоций внезапное решение Геббельса приостановить кампанию о «советских методах злодеяний» могло быть вызвано пониманием того, что причиняемые ею «беспокойства» действительно могли оказаться излишними, поскольку угрожали превратить и без того захлестнувшее страну чувство отчаяния в панику и довести страх до стадии психоза. Но, думается, не менее веской причиной этого решения было все то же отсутствие «питательной почвы» и хоть скольконибудь достаточной «пищи» для ее продолжения. Хотя, перестав вести речь о ней в дневнике, он на

протяжении всего лета и начала осени время от времени продолжал упоминать в нем о неких «злодеяниях Советов», так ни разу и не уточнив, в чем, собственно, они конкретно заключались. Но особенно бессодержательными эти записи Геббельса кажутся в сравнении с оставленными им тут же описаниями преступлений самих нацистов. Так, с одной стороны, вполне предметны его негодующие отзывы о немецких офицерах, бросавших при отступлении вооружение, чтобы прихватить с собой «реквизированное» у местного населения имущество, и наносивших тем самым ущерб боеспособности собственных войск [22, S. 224]. Также конкретно он описывал бесчинства немецких «дезертиров» в Румынии, добывавших себе пропитание грабежами и убийствами мирных жителей [29, S. 270]. С другой стороны, не менее информативны его одобрительные заметки о расстрелах немцами и их союзниками военнопленных, о депортации венгерских евреев или использовании их в качестве живого щита от вражеских бомбардировок и, наконец, в целом о нацистской программе «окончательного решения еврейского вопроса» [22, S. 199, 232, 242; 29, S. 153, 501].

Отсутствие в частных записях Геббельса столь же конкретных сведений о «преступлениях Советов», как и упоминаний о посвященной им и обещавшей стать его любимым детищем пропагандистской операции, заставляет думать, что его помощникам так и не удалось «раздобыть» достаточный для ее проведения фактический материал. То же касается и протоколов министерских конференций, хотя на них, как и в дневнике самого министра, при случае рассказывалось об отдельных преступлениях военнослужащих США и Великобритании против мирного населения Италии и Франции или о преследованиях коллаборационистов в этих странах, преподносившихся нацистами в качестве примеров «звериной жестокости» врага.

Пожалуй, наиболее наглядно тщетность усилий нацистских пропагандистов предоставить убедительные свидетельства советского террора в Восточной Европе демонстрирует немецкая кинодокументалистика, которую, в отличие от материалов прессы или радиопередач, было труднее всего фальсифицировать. Так, ни один из выпусков пропагандистского еженедельника «Дойче Вохеншау», вышедших с начала мая по конец октября, не содержал фото- или киноматериалов, которые, согласно апрельской инструкции, должны были служить важнейшей и подлежащей немедленной публикации доказательной базой антисоветской кампании. В них не было ни немецких съемок с мест событий во временно отвоеванных вермахтом областях, ни аналогичных кадров, снятых румынскими или венгерскими операторами, ни интервью с местными жителями и перебежчиками,

которых предписывалось предъявлять немецкой и международной общественности в качестве свидетелей советских «зверств». Вместо этого в нескольких номерах киножурнала были показаны вереницы беженцев, двигавшихся со скарбом на запад от линии фронта по дорогам Румынии, Эстонии и Финляндии. Этот видеоряд, занимавший до полутора минут экранного времени, каждый раз сопровождался закадровым комментарием, который внушал зрителю, что люди повсеместно бегут вместе с отступающим вермахтом, спасаясь от «дьявольской жестокости» большевиков [30–34]. Бросается в глаза, что этот стандартный дикторский текст примерно повторял сделанные летом приватные записи Геббельса об ужасе жителей Восточной Европы перед наступающими советскими войсками и их поголовном бегстве от «кровавого террора большевиков» [35, S. 94]. Стоит отметить, что, составляя такую картину событий для себя и подконтрольной ему кинохроники, министр игнорировал наверняка известные ему сводки СД, которые рисовали гораздо более сложную ситуацию, включавшую и массовую ненависть населения тех же стран к немецким оккупантам, и симпатии к СССР, и ожидания скорейшего освобождения Красной армией [26, S. 6601].

Конечно, эффект от пропагандистской эксплуатации сюжетов с беженцами на дорогах войны не шел в сравнение с надеждами, которые еще весной возлагались на планы создания «впечатляющей картины» массового и систематического большевистского террора в занимаемых Красной армией «несоветских областях». Однако осенью, когда советские войска вступили на территорию Восточной Пруссии, непрекращавшаяся нацистская риторика об угрозе политической большевизации Европы была подкреплена приостановленной летом, но теперь развернутой в полную силу кампанией о «злодеяниях» большевиков в отношении мирных граждан теперь уже не только Румынии или Прибалтики, но и Венгрии и самой Германии.

На новом этапе пропагандистской работы по демонизации противника Геббельс и подчиненный ему аппарат сделали главный упор на тезис о том, что смертельная опасность грозит не только фашистскому режиму или «высшим» слоям Рейха, но самому народу, который борется за свое физическое существование. Начать обыгрывать этот мотив (имея в виду угрозу со стороны не только СССР, но и его западных союзников) министр предлагал еще в мае, когда говорил о необходимости «вновь и вновь указывать на то, что [...] именно простые люди – прежде всего рабочие – понесут скорбь в случае победы врага» [25, л. 1]. На конференции 19 октября он усилил эту риторику, предписав не упоминать в средствах массовой информации о мерах противника против

«национал-социалистических институтов» в занятых им областях, но сообщать только о тех мероприятиях, «которые направлены исключительно против населения в целом» [36, л. 16].

Ставка на возбуждение у немцев защитного рефлекса росла с каждым днем продвижения Красной армии вглубь Рейха, и усилия геббельсовской пропаганды на этом направлении достигли апогея после того, как 23 октября во временно отвоеванном немцами поселке Неммерсдорф в Восточной Пруссии были обнаружены 26 трупов мирных жителей – женщин, стариков и детей. В отчетах срочно прибывших туда представителей вермахта, СС и гражданских властей их убийство было объявлено делом рук «советской солдатни», и в последующие дни эта история с леденящими душу подробностями была растиражирована в киножурнале «Вохеншау» [37] и других средствах массовой информации. Общий смысл комментариев сводился к тому, что речь идет не о единичных эксцессах и «не о выходках отдельных советских солдат, но о методически претворяемом в жизнь терроре» [38, с. 345].

Необходимо отметить, что нацистская интерпретация трагедии в Неммерсдорфе, обросшая жуткими, но не зафиксированными по горячим следам эпизодами, а также постановочными кадрами эксгумированных жертв, вызывала не только неприятие российских историков, но и серьезные сомнения авторитетных западных специалистов [там же; 39; 40]. Обоснованность этой критики и сомнений во многом подтверждается отданными Геббельсом в разгар тех событий секретными указаниями. Так, на конференции, состоявшейся 22 октября 1944 г. (именно в день «бойни» в Неммерсдорфе!), министр в ответ на просьбу командования вермахта разместить в СМИ материалы о «зверствах большевиков» на занятых ими территориях рекомендовал военным «не дожидаться сообщений с мест о *действительных* (курсив наш. – С. А.) злодеяниях», но «немедленно самим подключаться к кампании». Менее чем через неделю (в разгар работы над кинохроникой о Неммерсдорфе) Геббельс распорядился усилить и без того «глубокое впечатление», которое оказали на немецкую публику пропагандистские материалы о «большевистских злодеяниях» в Восточной Пруссии. Сообщения на данную тему он рекомендовал преподносить «соответствующим образом», т. е. напирая на «эмоции», «причесывая» и по возможности снабжая «эффективным иллюстративным материалом» [1, л. 25]. О том, в каком ключе надлежало интерпретировать не только прошлые (в том числе неммерсдорфские), но и предстоящие события, можно судить по отданному Геббельсом 29 октября приказанию срочно разработать новые основы (от 10 до 15 тезисов) немецкой пропагандистской политики. Ее общее направление

должно было вытекать из первых трех пунктов этого «катехизиса», которые были продиктованы самим министром: «Первое: в этой войне нет места сантиментам. Второе: наши враги хотят нас уничтожить, поэтому остается только сопротивление до последнего вздоха. Третье: большевизм стремится искоренить не только наш буржуазный правящий слой, но и саму нашу народную субстанцию» [41, л. 23].

«Нельзя отрицать, – поучал Геббельс далее, – что наш народ имеет об этой войне лишь небольшой набор неких общих представлений... Все наши тезисы, касающиеся “расы”, “крови”, “почвы” и т. п., не оказывают на народ такого воздействия, как тот факт, что враг хочет нас уничтожить. Это одно из тех принципиальных соображений, которые, по моему мнению, должны образовывать несущую конструкцию всей нашей военной политики» [там же, л. 24]. Столь пренебрежительный отзыв имперского министра об основополагающих «ценностях» нацизма особенно примечателен ввиду его собственных многолетних усилий по их вдалбливанию в сознание немецкого народа. Правда, сделав под занавес войны это заявление, он призвал своих помощников избавлять немцев не от обесценившихся нацистских догм, а от приверженности «буржуазным сантиментам», «рыцарскому духу» и «милосердию к противнику», которые они якобы до сих пор проявляли в одностороннем порядке [там же, л. 16, 23–24]. Так, в стремлении к предельной дегуманизации врага главный нацистский пропагандист постарался избавить своих соотечественников от каких-либо человеческих свойств и – пусть даже иллюзорных – представлений о собственной человечности.

Последний отчаянный шаг в данном направлении был сделан после начала январского наступления Красной армии в 1945 г., когда Геббельс в кругу ведущих сотрудников министерства вновь напомнил о необходимости «показывать немцам, что сейчас речь идет о борьбе не на жизнь, а на смерть – борьбе, в которой не может быть места ни мягкотелости, ни готовности к компромиссам» [42, л. 15]. Чтобы вдохновить народ на эту борьбу, он снова и снова требовал преподносить развернувшиеся в тылу неприятеля репрессии против нацистских функционеров как террор против всего немецкого народа и подвергать поступающие материалы «соответствующей предварительной обработке». Как следовало производить эту «обработку», министр демонстрировал на тех же конференциях, превращая их в своего рода мастер-класс. Так, поучал он, «если перед нами сообщения о том, что детей из Гитлерюгенда хватают, а их родителей привлекают к ответу, то такие сообщения необходимо подавать крупным планом», – но, «конечно, мы не будем при этом говорить, что дети занимались саботажем» [там же, л. 4]. Схожим образом следова-

ло поступать и с материалами о преследованиях коллаборационистов: «Броской подачи заслуживает сообщение о том, что НКВД развернул свою кровавую деятельность по всей Польше. Но сам смысл сообщения, согласно которому эта деятельность направлена против предателей и нацистских агентов, мы, конечно, опустим» [36, л. 24]. Если же речь шла о немецких военнопленных или, например, о румынских фольксдойче, направленных на восстановление советских или польских городов, то следовало указывать, что их послали на каторгу в Сибирь и на берега Северного Ледовитого океана [42, л. 29; 43, л. 15]. Схожим образом геббельсовским пропагандистам предписывалось препарировать и информацию о событиях на освобожденных территориях Венгрии и Болгарии. И действительно, судя по текстам передач Берлинского радио, их слушателям внушалось, что едва ли не главными жертвами советских «бесчинств» и репрессий в странах – бывших сателлитах Германии стали местные коммунисты и те рабочие-антифашисты, которые еще недавно ждали освобождения с Востока и радовались приходу Красной армии [44, л. 24–25].

В то же время Геббельс не устал требовать от подчиненных не допускать утечек в немецкую печать сообщений (в том числе и нейтральной прессы) о том, что «Советы» ведут себя в отношении населения этих стран весьма корректно. Комментируя время от времени подобную информацию, министр каждый раз сетовал на коварство большевиков, которые «не спешат показывать свое истинное лицо» и таким образом лишают нацистских пропагандистов столь необходимого им материала [1, л. 6–7; 43, л. 27, 29–30]. Поскольку высшие чины министерства были, как и их шеф, удручены отнюдь не страданиями мирного населения, а, напротив, отсутствием сведений о творимых жестокостях, Фриче предложил на одной из конференций не слишком раздувать данную тему в немецкой прессе, «чтобы не побудить большевиков действовать еще более осторожно» [41, л. 10, 26]. Однако если эта кампания и приостанавливалась, то это было вызвано другим, по-своему также циничным и не имевшим отношения к спасению жизней гражданских лиц расчетом – стремлением избежать наводнения беженцами прифронтовых дорог и образования пробок, которые могли бы помешать передвижениям колонн вермахта [43, л. 11, 15].

По мере приближения конца войны Геббельс стремился компенсировать дефицит необходимых свидетельств о массовых и систематических «злодеяниях» большевиков все более впечатляющей подачей пропагандистских сообщений на данную тему. С этой целью он потребовал привлечь к переработке исходных сведений в новостные сюжеты «самые изощренные перья» из числа лучших немецких журналистов.

Вскоре он прикажет задействовать также «искушенных психологов», призванных помочь в решении предельно четко сформулированной задачи: «опираясь на имеющийся материал, измышлять отдельные эпизоды, то есть отстаивать поэтическую истину» и тем самым «гарантировать желаемый эффект». Полагая, что яркое описание отдельных сцен насилия сможет в иных случаях шокировать больше, чем сводки массовых убийств, министр предлагал «дать всему этому предстать в фантазии, а затем выразить через описание конкретных эпизодов так, чтобы публика знала, к чему быть готовой, если враг ворвется в страну» [там же, л. 1]. В принципе, эти и многие другие секретные наставления Геббельса относительно продуцирования такого рода «новостей» сами по себе говорят о том, что клавшийся в их основу материал (если он вообще существовал) не был ни массовым, ни достаточно «ужасающим», ни характерным для политики советских военных властей и морального облика советских солдат. В то же время наряду с многочисленными уловками с целью восполнить отсутствие поводов для кампании о «неистовствах большевиков» в протоколах министерских конференций зафиксирована и гневная реакция Геббельса на иногда просачивавшуюся в немецкую печать информацию о гуманном отношении красноармейцев к военнопленным и мирным жителям [1, л. 7; 27, л. 7]. В конце концов, указания министра по поводу развернутой им кампании увенчались недвусмысленным распоряжением: «если подходящего материала в наличии нет, мы обязаны таковой предоставить» [42, л. 6, 27, 30].

В целом, приватные записи и секретные распоряжения шефа нацистской пропаганды свидетельствуют не только об огромных усилиях, которые предпринимались лично им и руководимым им аппаратом для информационного обеспечения кампании по поводу советских «злодеяний» в освобождаемых странах Восточной Европы, но и о крахе этих усилий. Эти не предназначавшиеся для посторонних глаз документы содержат как фактические признания отсутствия доказательств массового и систематического «большевистского террора», так и невольные упоминания о наличии противоположных свидетельств, а главное – распоряжения о фабрикации потребного материала. Преступную суть этой работы точнее всего раскрыл сам Геббельс, когда призывал ее участников «быть не фанатиками правды и справедливости», но «хорошими пропагандистами», для которых «решающим является только эффект» [1, л. 8; 43, л. 30]. Эти произнесенные в узком кругу, а потому на редкость откровенные слова имперского министра служили, по сути, тайным девизом всей нацистской пропаганды.

ЛИТЕРАТУРА

1. Российский государственный военный архив (далее – РГВА). – Ф. 1363к. – Оп. 4. – Д. 59.
2. *Дашичев В. И.* Нацистская пропаганда на службе подготовки войны / В. И. Дашичев // Дашичев В. И. Банкротство стратегии германского фашизма. Исторические очерки, документы и материалы : в 2 т. Т. 1. Подготовка и развертывание нацистской агрессии в Европе. 1933–1941. – М. : Наука, 1973. – 766 с.
3. *Орлов Ю. Я.* Крах немецко-фашистской пропаганды в период войны против СССР / Ю. Я. Орлов. – М. : Изд-во Моск. ун-та, 1985. – 176 с.
4. *Пленков О. Ю.* Третий Рейх. Арийская культура / О. Ю. Пленков. – СПб. : Нева, 2005. – 469 с.
5. *Белков А. Н.* Пропаганда поможет нам завоевать весь мир. Структура органов пропаганды нацистской Германии и вермахта / А. Н. Белков // Военно-исторический журнал. – 2019. – № 1. – С. 43–48.
6. *Zayas A.-M. de.* A Terrible Revenge : The Ethnic Cleansing of the East European Germans, 1944–1950 / A.-M. de Zayas. – New York : St. Martin's Press, 1994. – 179 p.
7. *Beevor A.* Berlin : The Downfall 1945 / A. Beevor. – London : Viking Penguin, 2002. – 501 p.
8. *Jacobs I.* Freiwild – Das Schicksal deutscher Frauen 1945 / I. Jacobs. – Berlin : Propyläen, 2008. – 230 S.
9. *Сенявская Е. С.* Красная Армия в Европе в 1945 году. Старые и новые стереотипы восприятия в России и на Западе / Е. С. Сенявская // Обозреватель-Observer. – 2012. – № 2. – С. 111–127.
10. *Овчинников А.* Миф об «изнасилованной Германии» сочинил Геббельс / А. Овчинников // Православие.ru. – 22.05.2013. – URL: <http://www.pravoslavie.ru/smi/61707.htm> (дата обращения: 15.08.2023).
11. *Золов А. В.* Демонизация Красной армии как один из трендов западной историографии / А. В. Золов // Слово.ру : Балтийский акцент. – 2013. – № 4. – С. 65–80.
12. Der Prozess gegen die Hauptkriegsverbrecher vor dem internationalen Militärgerichtshof. Nürnberg 14. November 1945 – 1. Oktober 1946. – Bd. XVII. Amtlicher Text in deutscher Sprache. Verhandlungsniederschriften 25. Juni 1946 – 8. Juli 1946. – Nürnberg : Selbstverlag, 1948. – 650 S.
13. *Kriegspropaganda 1939–1941.* Geheime Ministerkonferenzen im Reichspropagandaministerium / Hrsgg. von W.A. Boelcke. – Stuttgart : Deutsche Verlags-Anstalt, 1966. – 794 S.
14. *Wollt Ihr den totalen Krieg? Die geheimen Goebbels-Konferenzen 1939–1943* / Hrsg. von W.A. Boelcke. – Stuttgart : Deutsche Verlags-Anstalt, 1967. – 362 S.
15. *Алленов С. Г.* Апология агрессии против СССР и «войны до конца» в публичных выступлениях Геббельса и секретных материалах нацистского министерства пропаганды / С. Г. Алленов // Актуальные проблемы истории Второй мировой и Великой Отечественной войн. По материалам работы круглого стола (г. Воронеж, 20–22 апреля 2026 г.). – Воронеж : Научная книга, 2016. – С. 178–189.

16. *Shtyrkina O.* Mediale Schlachtfelder. Die NS-Propaganda gegen die Sowjetunion (1939–1945) / O. Shtyrkina. – Frankfurt a.M. : Campus Verlag, 2018. – 492 S.
17. Die Tagebücher von Joseph Goebbels / Hrsg. E. Fröhlich. – 3 Teile in 32 Bde. – München : Saur Verlag, 2007–2008.
18. Meldungen aus dem Reich. 1938–1945. Die geheimen Lageberichte des Sicherheitsdienstes der SS. 17 Bde. / Hrsg. H. Boberach. – Berlin : Pavlak Verlag, 1984.
19. Proklamation des Führers an das deutsche Volk und Note des Auswärtigen Amtes an die Sowjet-Regierung nebst Anlagen. [O.O, o.J.]. – 79 S.
20. Dr. Goebbels über den Sinn des Ostfeldzuges. Kundgebungen in Saarbruecken und Metz – J. Goebbels // Deutsche Allgemeine Zeitung. – 6. Oktober 1941.
21. *Goebbels J.* Der steile Aufstieg. Reden und Aufsätze aus den Jahren 1942/43 von Joseph Goebbels / J. Goebbels. – München : Zentralverlag der NSDAP, 1944. – 473 S.
22. Die Tagebücher von Joseph Goebbels. Teil II. Bd. 12 : April – Juni 1944. – München : Saur Verlag, 1995. – 625 S.
23. РГВА. – Ф. 1363к. – Оп. 1. – Д. 145.
24. *Алленов С. Г.* «Имперский министр доктор Геббельс желает, чтобы по всей Европе безотлагательно была запущена широкая пропагандистская акция...». Указания нацистского министерства пропаганды по проведению кампании по поводу «советских методов злодеяний и террора» (апрель 1944 г.) / С. Г. Алленов, В. А. Алленова // Военно-исторический журнал. – 2016. – № 4. – С. 27–31.
25. РГВА. – Ф. 1363к. – Оп. 7. – Д. 144.
26. Meldungen aus dem Reich. 1938–1945. Die geheimen Lageberichte des Sicherheitsdienstes der SS / Hrsg. H. Boberach. – Bd. 17 : 4. Mai 1944 – 12. November 1944. – Berlin : Pavlak Verlag, 1984. – S. 6509–6740.
27. РГВА. – Ф. 1363к. – Оп. 7. – Д. 152.
28. Meldungen aus dem Reich. 1938–1945. Die geheimen Lageberichte des Sicherheitsdienstes der SS / Hrsg. H. Boberach. Bd. 16 : 27. Dezember 1944 – 20. April 1944. – Berlin : Pavlak Verlag, 1984. – S. 6195–6508.
29. Die Tagebücher von Joseph Goebbels. Teil II. Bd. 15 : Januar – April 1945. – München : Saur Verlag, 1995. – 734 S.
30. «Die Deutsche Wochenschau» (далее – DW). Nr. 717. 31.05.1944 (Min. 07'00 – 07'30) // Internet Archive. – URL: <https://archive.org/details/1944-05-31-Die-Deutsche-Wochenschau-717> (дата обращения: 07.08.2023).
31. DW. Nr. 725. 27.07.1944 (Min. 05'30 – 05'40) // Internet Archive. – URL: <https://archive.org/details/1944-07-27-Die-Deutsche-Wochenschau-725> (дата обращения: 07.08.2023).
32. DW. Nr. 734. 27.09.1944 (Min. 07'50 – 09'15) // Internet Archive. – URL: <https://archive.org/details/1944-09-27-Die-Deutsche-Wochenschau-734> (дата обращения: 07.08.2023).
33. DW. Nr. 736. 11.10.1944 (Min. 01'45 – 02'45) // Internet Archive. – URL: <https://archive.org/details/1944-10-11-Die-Deutsche-Wochenschau-736> (дата обращения: 07.08.2023).
34. DW. Nr. 738. 25.10.1944 (Min. 02'10 – 03'05) // Internet Archive. – URL: <https://archive.org/details/1944-10-25-Die-Deutsche-Wochenschau-738> (дата обращения: 07.08.2023).
35. Die Tagebücher von Joseph Goebbels. Teil II. Bd. 13 : Juli – September 1944. – München : Saur Verlag, 1995. – 624 S.
36. РГВА. – Ф. 1363к. – Оп. 7. – Д. 166.
37. DW. Nr. 739. 02.11.1944 (Min. 10'25 – 11'25) // Internet Archive. – URL: <https://archive.org/details/1944-11-02-Die-Deutsche-Wochenschau-739> (дата обращения: 07.08.2023).
38. *Петров И.* Неммерсдорф : между правдой и пропагандой / И. Петров // Великая оболганная война – 2 : Нам не за что каяться! / ред. И. Пыхалов, А. Дюков. – М. : Яуза ; Эксмо, 2008. – С. 305–374.
39. *Fisch B.* Nemmersdorf 1944 – nach wie vor ungeklärt / B. Fisch // Orte des Grauens. Verbrechen im Zweiten Weltkrieg / Hrsg. G.R. Ueberscher. – Darmstadt : Primus Verlag, 2003. – S. 155–167.
40. *Hahn E.* Die Vertreibung im deutschen Erinnern, Legenden, Mythos, Geschichte / E. Hahn, H.-H. Hahn. – Paderborn : Schöningh, 2010. – 839 S.
41. РГВА. – Ф. 1363к. – Оп. 4. – Д. 58.
42. РГВА. – Ф. 1363к. – Оп. 7. – Д. 165.
43. РГВА. – Ф. 1363к. – Оп. 7. – Д. 167.
44. РГВА. – Ф. 1363к. – Оп. 1. – Д. 44.

Военно-воздушная академия имени профессора Н. Е. Жуковского и Ю. А. Гагарина
Алленов С. Г., кандидат исторических наук, доцент,
старший научный сотрудник
E-mail: allenov.sg@gmail.com

N. E. Zhukovsky and Yu. A. Gagarin Air Force Academy
Allenov S. G., Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Senior Research
E-mail: allenov.sg@gmail.com